

Олейников А.А. Вопросы взаимосвязи религии, культуры и модели национально-экономического развития // Социология религии в обществе Позднего Модерна (памяти Ю.Ю. Синелиной): материалы Третьей международной конференции. НИУ «БелГУ», 13 сентября 2013 г. / отв. Ред. С.Д. Лебедев. — Белгород: ИД «Белгород», 2013. — С. 427-433. // [Электронный ресурс]. URL: Режим доступа: www.euroasianmainstream.ru.

Аннотация

*В статье анализируется взаимосвязь культуры, государственной идеологии и национального хозяйства страны. Автор исходит из того, что экономика и хозяйство страны везде и всегда порождаются непосредственно религией. Подчеркивается, что нация существует как культурно-исторический тип развития только благодаря наличию механизма воспроизводства фундаментальных ценностей. Западный капитализм не возник сам по себе, а под влиянием — протестантской реформации христианства, которая произвела на свет новый тип человека, ориентированного на денежные ценности, возведенные протестантством в ранг высших «духовных ценностей», превращенные в символ веры, символизирующий образ жизни, а значит и его смысл. Таким образом, стремясь к смыслу жизни, западный человек невольно стремится к деньгам и власти, основанной на деньгах. Стремление Востока придерживаться традиций общины является отражением основного закона развития традиционного общества. Следуя этому закону, Япония возродила на своих предприятиях дух общины, стремясь сохранить в своем обществе основы общинного сознания и общинной жизни. Следуя этому закону, **нам** также предстоит вернуться к традиционным истокам нашей северо-восточной цивилизации, также возрождая утерянные нормы общинной жизни.*

Ключевые слова: религия, христианство, мораль, ценности, принципы, экономика, философия, протестантская Реформация, образ жизни, традиции, общинное сознание, капитализм, цивилизация, социокультурная динамика

Введение

В ходе своего развития Церковь нередко становилась настолько влиятельной силой, что начинала диктовать всему обществу, всем христианам определенный экономический строй. И это становится реальным не только, скажем, в феодальную эпоху.

Само становление капитализма как способа производства в XVI веке опиралось на англиканскую Церковь, которая в тот период разорвала свои связи с католицизмом и восприняла систему протестантизма, то есть стала протестантской Церковью. Капитализм тогда превратился в господствующий способ производства в Англии только благодаря тому, что протестантство в форме кальвинизма (пуританства) превратилось в англосаксонском обществе «в целостную всеобъемлющую систему, охватывающую все стороны развития общества» (В. Симонов). Став при этом, подчеркнем особо, антихристианской религией, — противопоставив себя всему христианскому миру именно как фундаментальная этическая основа буржуазного общества, раз-

деленного, по выражению Адама Смита, на «расу собственников» и «расу работников». Либерализм вообще возник как антихристианская доктрина, основанная на социальном расизме [1, с. 79-82].

1. Религия как фундаментальный базис бытия

Экономика и хозяйство всегда и везде порождаются непосредственно религией, либо ее идеологическими формами и принципами. Соответственно, философские и политические доктрины, теоретически фиксируя систему жизненных принципов данного народа, являются отражением религиозно-нравственных ценностей и принципов цивилизационного бытия данной страны (или группы стран). Другими словами, цели и мотивы хозяйственной деятельности имеют этическое и религиозное измерение.

Тот факт, что тип экономики и хозяйства порождаются и определяются религиями, подтверждает произведенный нами анализ социокультурной динамики возникновения и развития капитализма [1, с. 340-346]. Антихристианская, протестантская революции XVI-XVII веков, превратившая христианство в «религию для богатых» (Н. Бердяев), утвердила не просто власть денег, она сделала деньги и денежное богатство высшей «ценностью», замаскированных под истинное христианство, — всего лишь выраженных «в терминологии христианства» (Э. Фромм) [2, с. 152]. И это становится понятным, если не забывать, что **«христианская религия — это не только философско-этическая система, это принцип жизни, способ бытия и твердое его основание»** [3, с. 179]. Церковь исторически конституирует себя «не только как специфическую религиозно-идеологическую, но и как социально-хозяйственную систему, создающую определенную альтернативу (экономическую, гражданскую) привычным ценностям мира сего...» [4, с. 7-8]. Добавим от себя: то, что экономист Симонов В.В. (игумен Филипп) называет «привычными ценностями мира», — в реальности являются либеральными ценностями буржуазного (капиталистического) общества, альтернатива которым создается некапиталистическими общественными укладами, в рамках которых работники являются *работающими собственниками* — владельцами или совладельцами общественных средств труда.

Подчеркнем особо, что деньги стали господствовать не сами по себе, а как результат драматического перелома в общественном сознании Англии и других капиталистических стран того периода, как результат превращения христианства и Евангельской вести о спасении всего человечества — в денежную «индустриальную религию, несовместимую с подлинным христиан-

ством» [2, с. 151. Их господство отражало утвердившееся в тот период доминирование протестантских, денежных ценностей.

Во введении в монографию А.М. Величко «Христианство и социальный идеал», посвященной анализу взаимосвязи социальной свободы и социального равенства с основными направлениями западной религиозной мысли — католицизма и протестантизма, подчеркивается, что главная цель данного исследования заключалась в том, чтобы «показать и доказать, что в отличие от мнения, устоявшегося в правовой науке, сориентированной на либерально-демократические начала, идеалы демократизма и парламентаризма в том именно виде и формах, которые они получают на Западе, вовсе не представляют собой *универсального и безальтернативного явления*. Оценивая историю человечества, мы не можем признать учение о прогрессе, где обосновываются явно завышенные претензии на абсолютность начал западной демократии и необходимость постепенного подчинения “менее развитых” в правовом отношении культур “более развитым и цивилизованным”, соответствующим научным фактам» [5, с. 5].

2. Культура в качестве институциональной основы экономической системы

Очевидно, что не вся культура образует систему неформальных институтов. Например, этика и мораль являются институтами культуры, напрямую связанными с экономическим развитием [см., напр.: 6, 7], а нравственность и ее законы уже относятся к категории объективных законов жизни. В системе культуры существует *культурное ядро*, состоящее из системообразующих ценностей и принципов, имеющих объективный, трансцендентный характер, т. е. существующих над поколениями и над временем. Так, например, О. Уильямсон, предлагая схему классификации институциональной системы, указывает на то, что «время жизни» формального правила колеблется в диапазоне от 10 до 100 лет, а неформальных институтов – уже от 100 до 1000 лет [8]. В то время как системообразующие ценности культуры (законы нравственности) имеют вечный и нетленный характер.

Таковы, например, понятия братства, солидарности, справедливости, коллективизма и др. В работе Я. Кузьмина и др. институциональная система представлена из трех подсистем, каждая из которых располагается на одном из уровней, образующих своеобразную пирамиду. Культура здесь рассматривается в качестве фундаментального базиса, на котором выстраивается вся институциональная система национальной экономики и национального хозяйства [9, с. 11]. Традиционные институты культуры и система неформальных институтов, производных от культурных ценностей и традиций, яв-

ляются той сферой, которая производит и «поставляет» в сферу экономики фундаментальные методологические принципы.

Фрейбургская школа неокантианства развивала тезис: объяснению мира предшествует выбор этических ценностей. Так, по утверждению бывшего лидера СДРПШ и вице-президента Социнтерна У. Пальме, социальная цель выводится из «идеалов и этических ценностей», а направление политики, в конечном счете, определяется «ценностными установками и идеями» [см.: 10, с. 19-20]. При таком подходе экономические законы воспроизводства общества являются уже отражением закономерностей самой жизни. Образ и уклады жизни, образующие способ национальной жизнедеятельности в разных сферах общества, включая и сферу хозяйства, — *наследуются* в процессе духовной деятельности, передаются творчески от поколения к поколению. Нация существует как культурно-исторический тип развития только благодаря наличию постоянно действующего механизма воспроизводства фундаментальных ценностей.

В результате многовековой хозяйственной практики, основной на традициях и морали данной страны и данной цивилизации, у людей формируются хозяйственные стереотипы поведения, появляются соответствующие хозяйственные уклады, формы собственности и формы производства, которые, в конечном итоге, формируются смыслообразующими принципами культуры, а последние выступают в качестве системообразующих принципов жизнедеятельности человека и общества в целом. Именно поэтому человек в своей хозяйственной деятельности руководствуется не только и не столько голыми экономическими интересами и мотивами, сколько — законами нравственности, морально-этическими нормами и традициями, уходящими вглубь веков и имеющими религиозно-нравственное происхождение.

Миром и хозяйством человека управляет не мораль как таковая и не духовные ценности сами по себе, — управляют только те ценности, которые содержат в себе понятия смысла жизни, формируя так называемое «культурное ядро». Другими словами, смысл хозяйственной деятельности и смысл функционирования самой экономики определяются смыслом жизни человека, основанным на духовных ценностях, на смыслообразующих принципах культуры и системообразующих принципах жизнедеятельности общества.

3. Протестантская этика и дух капитализма

Именно так и называется известная работа крупного немецкого социолога Макса Вебера (1864 – 1920), в которой он изложил свою концепцию [1, с. 340-346] о зависимости капиталистических форм хозяйства от капиталистического духа. Вебер, ставя вопрос о происхождении капитализма, указывает

на его зависимость от *духа религии* — от протестантской хозяйственной этики. Западный капитализм не возник сам по себе, а под влиянием — протестантской реформации христианства, которая произвела на свет новый тип человека, ориентированного на денежные ценности [1, с. 340-346]..

До появления капитализма человек веками жил, ориентируясь на истинно духовные ценности, осуждавшие торгашество и дух наживы. Очевидно, чтобы заставить человека действовать иначе, надо было внедрить в сознание «традиционного человека» новые смыслообразующие ценности, изменив содержание базовых (смыслообразующих) понятий, лежащих в основе человеческого бытия. В результате целенаправленного изменения смыслового вектора жизни западного человека такие понятия, как «деньги», «богатство», «собственность» и «нажива» стали восприниматься в качестве фундаментальных ценностей и принципов. При этом деньги в западном обществе господствуют не деньги сами по себе, господствуют денежные ценности, возведенные протестантством в ранг высших «духовных ценностей», превращенные в символ веры, в некие общенациональные «святыни», символизирующие образ жизни, а значит и его смысл. Таким образом, стремясь к смыслу жизни, западный человек невольно стремится к деньгам и власти, основанной на деньгах.

Выбор Англии в пользу протестантства, ставшего государственной религией страны в середине XVI века, был одновременно мировоззренческим, буржуазным выбором. Католическая церковь и Ватикан в то время господствовали в Европе — абсолютно. Властвуя в политике и владея огромными богатствами, Католическая церковь стояла на страже феодальных устоев общества, формируя духовные устои бытия господствующей феодальной аристократии. В этих условиях буржуазия, чтобы *добиться власти*, должна была бороться с Ватиканом, создав для этого *свою* денежную «религию для богатых». Подчинив себе Англию, кальвинисты уже готовы были сделать то же самое и с Францией. Однако во Франции религиозное расслоение вызвало несколько религиозных войн между протестантами-кальвинистами и католиками. Примечательно, что только в ходе «Варфоломеевской ночи» 24 августа 1572 года в Париже было убито около 10 000 человек, а с августа по октябрь в гонениях на кальвинистов в других городах Франции погибло около 70 тысяч человек, около 200 тысяч гугенотов бежали в соседние государства. События во Франции были с одобрением встречены в католическом мире. В итоге, Франция осталась — католической.

Итак, буржуазии нужно было новое мировоззрение и новая идеология, и она могла появиться только под религиозной оболочкой. Борьба феодальных и буржуазных кланов и классов в начале XVI века неизбежно протекала то-

гда под знаком религии, приобретая форму религиозных войн. А главной войной стала война всемирной коалиции протестантских стран и сил против всемирного католичества.

Буржуазный протест против политического абсолютизма католической церкви и феодальной власти был протестом не по существу самого абсолютизма. Английские протестанты — кальвинисты и пуритане — также стремились к абсолютизму, но уже своего богатства, своей власти, своего господства. И в этой начавшейся войне за абсолютную власть и мировое господство протестантской Англии нужны были чрезвычайно агрессивные люди для проведения захватнических войн по все миру. Также как и Ватикану в период кровавых крестовых походов, как Испании в кровавую эпоху конкистадоров, Англии нужны были захватчики, убийцы и насильники. И теперь уже Англиканская церковь стала морально готовить таких людей, освобождая их от последних остатков стыда, совести и моральных угрызений, снимая все запреты и ограничения на убийства людей и другие изуверства.

Итак, «экономический человек» — не выдумка Смита. Он действительно существовал, являясь закономерным продуктом необычайно кровавой борьбы за раздел Нового Света. Именно чрезвычайное напряжение той буржуазной эпохи настолько изменило суть человека в XVI-XVIII веках, что он превратился в антипод нормального «традиционного человека» — в некоего «экономического человека», ставшего на службу не Добродетели, а злему духу Мамоне — символу и воплощению буржуазного духа.

Новая буржуазная мораль явилась результатом культурной революции, которая произвела новые *смыслообразующие принципы культуры*. Изменение смыслового вектора жизни западного человека привело к формированию новых смыслообразующих принципов жизнедеятельности не только каждого человека и общества в целом.

Буржуа — это человек с явно выраженной *антиобщественной* мотивацией. Свои частные интересы (барыши, денежная выгода) — для него, безусловно, выше всяких там общественных интересов. Ко всему обществу он неизменно подходит с критериями частной выгоды, *денежной* эффективности. Понятия народнохозяйственной эффективности и критерии целостности общего (страны, региона) ему глубоко чужды. По сути, это — нравственное помешательство, а это уже — *диагноз* [2, с. 90].

4. Восточная культура и дух восточного капитализма

Восточный капитализм — это не географическое понятие, а социокультурная категория, которая отражает процессы, протекающие не только в буд-

дистских и индуистских странах, но на всем Востоке вообще, включая страны ислама [11], а также страны, исповедующие восточное христианство.

Экспансия западного (англосаксонского) капитализма на Восток не привела к желаемым результатам: не произошло унификации мира на основе западной экономической системы. Выяснилось, что законы западного капитализма не работают на Востоке. Во всех азиатских странах получился качественно другой тип капиталистического развития.

Руководитель японской корпорации «Сони» Акио Морита, анализируя факторы успеха лучших компаний страны, пишет: «Самая важная задача японского менеджера состоит в том, чтобы установить нормальные отношения с работниками, создать отношение к корпорации как к родной семье, сформировать понимание того, что у рабочих и менеджеров **одна судьба**. Компании, которые достигли в стране наибольшего успеха – это те компании, которые сумели **создать веру в единую судьбу** у всех работников и акционеров» [12, с. 191].

Историческая динамика развития японского капитализма убеждает нас в том, что формационные структуры развиваются *внутри* цивилизационных структур, что **движение национальной экономики** является составной частью **социокультурного движения нации**. Если англосаксонский капитализм является порождением «индустриальной религии» (Э. Фромм) и соответствующей протестантской хозяйственной этики, то японский капитализм оказывается *производным* от духа буддизма и конфуцианской этики.

Ситеи Ямамото в книге «Дух японского капитализма» (1984 г.) исследовал духовные источники капитализма в Японии. После второй мировой войны политические руководители Японии и лидеры бизнеса встали перед необходимостью создания особой японской системы управления бизнесом и всем хозяйством страны. При этом они сознательно обратились к своему прошлому, т.е. к своим историческим духовным и религиозным корням, отвергая западный путь модернизации. В разработке новой концепции приняли активное участие ученые, политики и лидеры бизнеса. Промышленная группа «Дойкай» создала одноименную общественную организацию «Дойкай», которая на своем национальном съезде в 1956 г. приняла декларацию «Ответственность руководителей перед обществом».

Стержнем новой философии управления стало признание социальной ответственности, лежащей на управляющих. К. Мацусита, один из руководителей корпорации «Мацусита Электрик Индастриал», полагает, что «каждая компания, вне зависимости от ее размера, должна иметь определенные цели, отличные от получения прибыли, цели, которые оправдывают ее существование среди нас».

В 1965 г. группой «Дойкай» была организована комиссия по изучению текущих проблем теории управления. Комиссия выработала обобщенный взгляд, который декларировал: «Хотя извлечение прибыли остается основной целью деловой активности, необходимо уточнить, что понимает под этим тот или другой руководитель. Понятие о прибыли как о цели расширилось и преобразовалось в понятие создания и увеличения благ, причем одним из аспектов этого является рост общественной значимости менеджеров. Сюда же относится обеспечение общественного благосостояния и справедливое распределение созданного между участниками производственного процесса» [цит. по: 13, с. 11, 40-44].

Анализ динамики формационно-цивилизационного развития дает нам ответ на вопрос, почему именно *после войны* в Японии усилилось внимание к своему «феодалному наследию». Цивилизацию создает борьба за ее существование. Освальд Шпенглер верно заметил, что цивилизации рождаются и живут в борьбе за утверждение своих фундаментальных ценностей, и эта борьба — *«есть глубоко внутренняя, страстная борьба за утверждение идеи против внешних сил хаоса и внутренней бессознательности, где угрожающе затаились эти противоборствующие силы»* [14, с. 184]. В цивилизациях, созданных культурой одной великой страны, данная борьба неизбежно превращается в общенациональную борьбу — за выживание всей нации.

Итак, стремление Востока придерживаться традиций общины является отражением основного закона развития традиционного общества. *Следуя этому закону*, Япония возродила на своих предприятиях дух общины, стремясь сохранить в своем обществе основы общинного сознания и общинной жизни. *Следуя этому закону*, нам также предстоит вернуться к традиционным истокам нашей северо-восточной цивилизации, также возрождая утраченные нормы общинной жизни. Задача, которая стояла перед Японией, теперь стоит очень остро перед русской нацией, являющейся системообразующим ядром нашей огромной русской (славянско-евразийской) цивилизации.

Литература

1. См. подробно: Олейников А.А. Экономическая теория. Политическая экономика национального хозяйства. Учебник для вузов: для бакалавров, специалистов и магистров. 2-е изд., перераб. и доп. В 2-х ч. — М.: Институт русской цивилизации, 2011.
2. Фромм Э. Иметь или быть?: Пер с англ. — 2-е изд., доп. — М.: Прогресс, 1990. — С. 152.

3. Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. Слово пастыря. — М., 2004. — С. 179.
4. Симонов В.В. (игумен Филипп). Церковь — общество — хозяйство / В.В. Симонов; отв. ред. Д.С. Львов. — М.: Наука, 2005. — С. 7-8.
5. Величко А.М. Христианство и социальный идеал (философия, право, социология индустриальной культуры): Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. — СПб., М.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. — С. 5.
6. Козловски П. Принципы этической экономики. СПб.: Экономическая школа, 1999;
7. Рих, Артур. Хозяйственная этика / Пер. с нем. под общ. ред. В.И.Сапова. — М.: Посев, 1996.
8. Williamson O. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // Journal of Economic Literature. - 2000. - Vol. 38. № 3. - P. 595-613.
9. Кузьминов Я. и др. Институты: от заимствования к выращиванию // Вопросы экономики. 2005. № 5. .
10. Паньков В. С. Экономические теории современного социал-реформизма. — М.: Мысль, 1980.— С. 19-20 (выделено мной — А.О).
- 11.Абазов Р. Исламская политэкономия: императивы развития // Восток. — 1995. — № 3.
- 12.Морита А. «Сделано в Японии»: Пер. с англ. / При участии Э.Рейнгольда и М.Симомуры. - М.: Прогресс, 1990. С. 191.
- 13.Как работают японские предприятия: Сокр. пер. с англ./Под ред. Я. Мондена и др.; Науч. ред. и авт. предисл. Д. Н. Бобрышев.— М.: Экономика, 1989. С. 11, 40, 44. [1, с.]
- 14.Шпенглер О. Закат Европы. — Ростов н / Д: изд-во «Феникс», 1998. С. 184.